

УДК 821.161.1

Эмблемы и суперзнаки прозы Б. Евсеева

Кулаковская Евгения Ивановна

Аспирант кафедры литературы,
Алтайская государственная педагогическая академия,
656000, Россия, Барнаул, ул. Молодежная, 55;
e-mail: gostiay2904@rambler.ru

Аннотация

В настоящей статье выявлена онтологическая стихия рассказов Б. Евсеева, которая проявлена в эмблематических точках-символах повествования («дневные огни», «черный платок», «улыбка женщины» и т.д.).

Ключевые слова

Онтологическая стихия, эмблема, символ.

Введение

Яркой поэтологической особенностью произведений Б. Евсеева является наличие в них эмблематического сюжета. «Эмблемы – это наиболее «сильные» или «отмеченные» точки повествования, которые получили право представлять или даже замещать его как целое»¹. Общее в эмблемах, или эмблематический набор,

приводит к пониманию исходного смысла текста. Таким образом, анализ эмблем – это анализ онтологической подосновы произведения.

«Образ-символ» дневных огней

Одной из эмблем прозы Б. Евсеева является образ-символ «дневных огней» в одноимённом рассказе. Автор сближает материальный и невещественный мир, огни льют тихий, едва различимый свет, «они были на-

¹ Карасев Л.В. Вещество литературы. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – С. 22.

литы чем-то неслыханным, нематерьяльным, чем-то смиряющим душу, утоляющим страсть»². В первый раз огни появляются в церковной ограде в минуты очищения души, когда героиня выходит из храма. В едва различимом отблеске она угадывает их победоносный смысл: «Горя не было, смерти не было, пылали и плыли только эти серые, слабо видимые огни». Встреча героев происходит накануне великого церковного праздника Троицы, в «пороговой» ситуации, детерминированной присутствием случайности.

Автор акцентирует внимание на том, что встреча двух людей с первого взгляда ничем не обусловлена, кроме влияния нескольких мелких, но значимых деталей. Например, герой обращает внимание на платок героини, который был завязан «не спереди, как это принято у московских прихожанок, а сзади». При этом исходная тема «судьбоносной случайности» материализуется в образе чёрного платка. В истории литературы множество подобных символов-деталей. К примеру, встреча Мастера и Маргариты в романе Булгакова обусловлена эмблематичным по своей сути жёлтым

букетом. И так, герой словно идёт на поводу у особого знака, не до конца осознавая его значение: «Он, случайно обративший на неё внимание полчаса назад, ни о чем, особо не помышляя, пошёл следом»³.

Примечательно, что встреча происходит накануне великого церковного праздника Троицы. Герой тоже смотрит на церковь, которая воздвигнута на фундаменте старой. Что одновременно вызывает несколько аллюзий, это и новый храм веры, воздвигнутый Богом после разрушения старого, и символ новой жизни, обновляющей свои вехи, а также символ торжества жизни. Ещё один знак-призыв, который замечает герой и который гипнотизирует его – это улыбка женщины. Он наблюдает за этой улыбкой и видит в ней также проявление духовного: «Фрески под куполами казались такими сырыми и такими же трогательными, как улыбка стоящей одиноко женщины»⁴. Также автор отмечает чем-то знакомую и особо привлекательную внешность героини: «Такой тип женщин особенно привлекал его: мальчишеская головка, юношеская повадка плеч и – плавно-медленное, живущее, словно само по

2 Евсеев Б.Т. Площадь революции: Книга зимы; Рассказы. – М.: Время, 2007. – С. 319.

3 Там же.

4 Там же. С. 320.

себе тело, от плеч и ниже». Итак, эмблематический ряд «дневных огней» на начальном этапе знакомства героев «овеществляется» то в чёрном платке, то в отрешённом облике героини, то в улыбке и необычной причёске.

Обещанием новой жизни и неизбежного обновления старой служит время года: «В Москве всё ещё грохотала железными грозами, заливая их тугими бесцветными ливнями, весна»⁵. Пройдя старый квартал, герой оказывается в таком же старом доме, в который вошла женщина. Словно по той же случайности, герой попадает на поминки, где беспрепятственно открыты все двери.

Героиня находится в медитативном состоянии-предоупреждении новой жизни. Старая жизнь ушла вместе с мужем, но его привычки ещё живут вокруг: «Покойный муж любил во всё старое новые пружинки вставлять»⁶. И эта фраза оказывается не случайной. Так как выясняется, что герои уже были когда-то соседями, а старый на первый взгляд дом оснащён новым оборудованием. Ещё одной эмблемой в рассказе является внутренняя лестница, по которой идут герои. Она символизирует не очевидный на первый

5 Там же.

6 Там же. С. 323.

взгляд, но действительный ход событий.

Героиня не только заинтересована знакомым, но пытается прочесть его внутренний мир: «Это меня покойный муж научил, сразу понять главное: зачем человек родился, зачем живёт, что ему на этом свете определено сделать»⁷. Она обладает особым знанием и верит в него: «Не думайте, что, что всё это вот так... случайно... бездарно... бессмысленно»⁸. Таким образом, за внешне несвязной цепочкой происходящего постепенно проявляется не явный, но закономерный исходный смысл, явленный благодаря имманентным случайностям.

Женщина каким-то непостижимым образом соединяет в одно и длящуюся любовь к умершему мужу, и случайную любовь к малознакомому человеку. При этом уравнивает их в некотором смысле как раз налёт очевидной для неё неслучайной случайности: «Я до сих пор его люблю! Вы не подумайте! Мы и познакомились неожиданно»⁹.

Она наделена богатым воображением и детской доверчивостью. Умершего мужа героиня вспоминает

7 Там же. С. 324.

8 Там же. С. 325.

9 Там же. С. 326.

как учителя, который к тому же показал ей серые дневные огни. Поразительна искренняя убежденность героини в том, что он сказал правду: «Раньше эти огни были только у женщин, и теперь – так...»¹⁰. Поскольку героиня верит в миф о силе «дневных огней», то этим обусловлена некая специфичность её мироощущения. Характерно, что она, сознавая свою странность, представляет её в некоем физическом недостатке: «Но сперва – гляньте... У меня такой маленький овечий хвостик сзади...»¹¹. Образ-символ овечки разворачивается по ходу повествования: покойный муж героини занимался овцами, в определённый момент она сама предстаёт в образе этого животного. И по смерти мужа ей предстоит разделить овец: «Муж говорил: «овцы – солнечные твари». Он очень, очень беспокоился о них». Здесь возникает библейская аллюзия, муж был своего рода пастырем для жены: «И всегда пел одну и ту же песню: Вивцы мои, вивцы! Кто ж вас будэ пасты, як мэнэ нэ станэ?»¹².

Все более и более сближает героев эта ведомая теперь только им тайна: «Однажды, подойдя к окну, они вместе увидели серые дневные

10 Там же. С. 327.

11 Там же. С. 328.

12 Там же. С. 331.

огни. Огни мягко и скоро – как облака в горах – проплыли и скрылись. Она вдруг заплакала и крепко поцеловала его в щёку». После смерти мужа героине нужен был тот, кто подтвердит существование этих видимых ей огней. Поскольку муж больше не может разделять эту тайну, ей необходимо с кем-то поделиться ей. Она думает, что огни привёз муж с собой из Зеландии. Герой же видит их по-своему, как знамение Троицы: «И вдруг со страхом подумал о желтовато-зелёных, а по краям слегка серых, огнях Троицына дня, которые жгут и испепеляют непокорных, тугоумных, грешных»¹³.

Герой знает, что эти огни обличают и возрождают, что они могут также нести справедливое наказание. Героиня более легковесно относится к возможной плате, но она понимает другое: «Бог – любой бог! – бережёт эти огни для себя. А мы их – любя друг друга – унесли... взяли... Как вы думаете нас накажут? Ну да теперь всё равно...»¹⁴.

Эмблематично описание серых огней в конце рассказа, они предстают как «новая материя бытия» и одновременно символизируют необъяснимую природу любви: «Многие пропускали

13 Там же. С. 329.

14 Там же. С. 330.

эти огни сквозь себя безо всяких последствий. Но многих огни и спалили. Многие хотели бы получить эти огни в дар – как наилучшее завершение иногда удивительно бессмысленной и бесполезной жизни. Но многих чаша сия миновала...»¹⁵.

Спустя некоторое время героиня спокойно плывёт на яхте, уже не придавая особого значения вспыхивающим дневным огням, «в открытой штурманской рубке стояла светловолосая, по-мальчишески коротко и поновомодному, «уступами», остриженная женщина, в синеньких бриджах и такой же блузке».

Таким образом, в рассказе эмблема «дневного огня», наделённого силой божественной справедливости, вспыхивает и разгорается в наиболее судьбополные, яркие, моменты жизни героев, а затем снова принимает едва различимый вид, так же, как и огонь переходит от искры к пламени. Теперь героиня небрежно отвечает на вопрос о дневных огнях, они уже не наполнены для неё тем смыслом, что прежде: «Серые огни... Забавно... Я уже видела похожие. Но чуть подальше»¹⁶.

Итак, «дневные огни» – это огни любви, которая побеждает всё,

15 Там же. С. 331.

16 Там же. С. 333.

даже горе и смерть. Она случайна и непрочно, но героиня не сопротивляется её действию. Кроме того, любовь земная тоже является небесным даром, поскольку в ней воплощён пронзающий душу насквозь огонь, очищающий её и испепеляющий тех, кто не достоин её принять. За эмблемой «дневных огней» скрывается единый исходный смысл «торжества любви над смертью».

Эмблематический сюжет романа «Евстигней»

Иной эмблематический ряд в романе Б. Евсеева «Евстигней», в котором одна из исходных смысловых линий реализуется в теме возвращения. Мы рассматриваем возвращение, как движение, которое имеет обратное направление. Онтологическая линия романа – движения «сопротивления смерти» – проявлена в эмблематическом сюжете.

Прежде всего, эмблематична сцена возвращения Фомина из Болоньи в Россию. Болонья является символом счастливой жизни: «Болонья – счастливый для сочинителей город?». Но в контексте судьбы Фомина она приобретает смысл искушения. Кроме того, Италия таит в себе мно-

го опасностей, которые могут привести героя к нелепой смерти. Однако смерть физическая не так страшит героя, как «смерть творческая». Преждевременное возвращение на родину ассоциируется с подлинной жизнью, а дальнейшее пребывание в Италии со смертью: «Весь срок отбывать, шею себе сломать! А то и долю надвое переломить»¹⁷.

Возвращение в тексте озаменовано «порогом». Фомин ассоциируется с точкой: «Ведомая неизвестной, но явно ощущаемой силой некая малая, пространственно-временная, напитанная плотью и мыслью точка: Евстигней сын Ипатов Фомин тихо-скромно въезжал в Петербург!»¹⁸. Точка в свою очередь является символом окончания старой жизни и неизбежного начала новой, поскольку на Фомина направлена некая ведущая его сила.

Образное представление Евстигнея Фомина в виде точки отсылает к приёму контрапункта. Учитель героя, Падре Мартини осмысляет приезд нового ученика как некую точку. Эта мысль приходит к нему по аналогии с определением контрапункта: «Имен-

но контрапункт – первейшая и главная наука. Всё остальное возникает из этого славного стиля. А вот если точки нет, то ничего против зияющей пустоты и не возникнет. Главное – найти точку!»¹⁹. Необходимо заметить, что возвращение Фомина в Россию задано внешней силой и сохраняет направление от смерти к жизни.

Тема возвращения в романе также «овеществляется» в идее «ракохода времени» и в связанных с ней образах «противосложения», «многоголосицы» и т.д.

Герой замечает, что направление жизни изменилось: «Кроме того, с некоторых пор жизнь шла не вперёд – а назад! Шла неостановимо, мощно. И сие было приятно, дорого»²⁰. Возвращение осмысляется Фоминым в музыкальном ракурсе при помощи таких понятий, как «полифония», «музыкальная тема» и т.д. Полифония мыслится героем как противосложение: «Слагали – против того, что было! Раком пятились все! Да не все то разумели». Противосложение – это символическая остановка на дороге жизни, попытка идти назад. Такое возвратное движение жизни герой именует «ракоходом»: «Так русские наставники

17 Евсеев Б.Т. Евстигней: Роман-версия. – М.: Время, 2010. – С. 223.

18 Там же. С. 237.

19 Там же. С. 146.

20 Там же. С. 475.

называли ещё до отъезда в Италию – особый (запаздывающий и обратный) способ проведения музыкальных тем, ведущий к многоголосию, к противосложению, к полифонии»²¹.

Новое представляется не совершенным, а имеющим вкрапления старого. Главным в жизни видится мотив повторения прошлого: «Полифония (то есть постоянное повторение уже происшедшего, а также утроение и учетверение того что уже произошло, того, что уже прозвучало) чулось ему во всём»²².

Однако со временем герой понимает, что обратное движение времени является таковым только на первый взгляд. Движение против смерти – это иллюзия сознания, отслеживающего в настоящем меты прошлого. Время возвращает не всё и совсем не так: «Однако ж постепенно выяснялось: ракоход в музыке одно, в жизни – иное! И вне музыки такой ракоход был одним лишь передразниванием жизни подлинной, жизни настоящей!»²³. Итак, герой приходит к пониманию, что возвращение старого в жизни – насмешка. Герой решает возникший диссонанс, приходя к мысли: «Нельзя

вот так запросто вернуть старое время, нельзя взять и запихнуть его в оркестр! А надо этому старому времени вернуть первоначальный смысл. Тогда, слившись с новым, старое заиграет оттенками изначальности, а значит, вечности»²⁴.

Тема обратного движения также материализуется в сцене возвращения императора Павла во дворец пешком: «Сие также был ракоход. Но ракоход высокий»²⁵. Император – как значимая фигура русского Хроноса – является символом времени, неожиданно повернувшего назад.

Но это мнимое движение является всего лишь имитацией реального, осмеянием и передразниванием тайных надежд Евстигнея Фомина и Павла Петровича.

Тема возвращения отчётливо звучит в эпилоге романа. Автор просматривает судьбу непризнанного гения в обратном направлении, с позиции сегодняшнего дня. Это позволяет ему сделать вывод, что, выпавшему из истории музыканту, суждено было возвратиться на её сцену: «А если возвращаться к Фомину... Да, выпал Евстигнеюшка из музыкальной истории. Так ведь выпавший, а потом воз-

21 Там же. С. 476.

22 Там же. С. 475.

23 Там же. С. 485.

24 Там же. С. 564.

25 Там же. С. 485.

вращённый бывает виден и слышен сильнее, чем иные, в истории случайно застрявшие и лишь по привычке припоминаемые!»²⁶.

В рассказах Б. Евсеева тема возвращения нередко реализует себя в образах «ностальгии» по прошлому, ретроспективном развитии сюжета, когда герой через воспоминания, выстраивает заново цепь событий и открывает для себя новые истины. Как правило, это нужно для нахождения окончательного, пропущенного в момент осуществления смысла, для установления правды жизни. Эта же мысль присутствует и в «Романчике» Б. Евсеева. Необходимо пройти определённый путь, чтобы возвращаясь к событиям своей жизни, что-либо в ней понять: «Но для того и жизнь, чтобы, двадцать-тридцать лет поплутав, встретить наконец-то что-то новое – невиданное, неслыханное»²⁷.

Другими словами, то, что полностью открыто Богу, человек может познать лишь фрагментарно, «косвенно». В этом смысле, возвращение – средство и попытка нового осмысле-

ния прошлого. Помимо всего прочего, автор намекает на возможную встречу человека с Богом: «Встретить то, что бесподобней самой жизни»²⁸. В этом и заключается суть онтологических метаний его героев, которые стремятся познать что-то новое, выйти за пределы жизни, победить бытийную конечность тела.

Заключение

Так, различные, на первый взгляд, эмблемы автора «дневные огни», «возвращение», «ракоход», «противосложение», «припоминание» концептуально связаны между собой единым смыслом «противостояния смерти и жизни как высшей ценности». Повторяющиеся в типологически сходных ситуациях эмблемы (еще не описанные нами «импровизация жизни», «исправление судьбы», «лёгкий кинематограф прозы», «приёмы скрипичной техники» и др.) – важная особенность онтологического реализма Б. Евсеева.

Библиография

1. Евсеев Б.Т. Евстигней: Роман-версия. – М.: Время, 2010. – 576 с.

28 Там же. С. 26.

26 Там же. С. 567.

27 Евсеев Б.Т. Романчик: Некоторые подробности мелкой скрипичной техники. Роман. – М.: Время, 2005. – С. 27.

2. Евсеев Б.Т. Площадь революции: Книга зимы; Рассказы. – М.: Время, 2007. – 396 с.
3. Евсеев Б.Т. Романчик: Некоторые подробности мелкой скрипичной техники. Роман. – М.: Время, 2005. – 336 с.
4. Карасев Л.В. Вещество литературы. – М.: Яз. слав. культуры, 2001. – 399 с.

Emblems and super-signs in B. Evseev's prose

Kulakovskaya Evgeniya Ivanovna

Postgraduate student of the literature department,
Altai State Pedagogical Academy,
P.O. Box 656000, Molodezhnaya str., No. 55, Barnaul, Russia;
e-mail: gostiay2904@rambler.ru

Abstract

The article is dedicated to the study of the prose ontopoetics of B. Evseev by foregrounding the emblematic story in his texts. The paper analyzes special symbolic images of the narrative ("daytime lights", "black headscarf", "woman smile", "hairstyle", "staircase", etc.), which organize the emblematic story in the works of the writer. By means of symbols and super-signs are investigated heroes of the story "Daytime Lights" and the novel "Evstigney".

In "Daytime Lights" analyzed the original theme of "fateful fortuity", not clear, but the logical starting point, which appears by virtue of the immanent chance. Also by means of emblematic images take place the "disclosure" of unrevealed text meanings, the "general ontological schemes" actualization, the identification of the common underlying ontological sense of B. Evseev's texts. Emblematic set leads to an understanding of the original meaning of the text. The emblem of "daytime lights" conceals a single original meaning of "the triumph of love over the death".

Besides, the another emblematic row of the B. Evseev novel "Evstigney" shall be regarded, in which one of the source meaning lines is realized in the subject

of return, commemorated in the text as a "threshold". The subject of return in the novel is also "materialized" in the idea of "time retrograde" and its related images "countersubject", "polyphony", etc.

In this paper different at first glance emblems of "daytime lights", "return", "retrograde", "countersubject", "recollection" are considered as conceptually linked by a single sense of "confrontation of death and life as a supreme value".

Keywords

Ontological element, emblem, symbol.

References

1. Evseev, B.T. (2005), *Romance: Some small details of violin technique. Novel [Romanchik: Nekotorye podrobnosti melkoi skripichnoi tekhniki. Roman]*, Vremya, Moscow, 336 p.
2. Evseev, B.T. (2007), *Revolution Square: The Book of Winter; Stories [Ploshchad' revolyutsii: Kniga zimy; Rasskazy]*, Vremya, Moscow, 396 p.
3. Evseev, B.T. (2010), *Evstigney: Novel-version [Evstignei: Roman-versiya]*, Vremya, Moscow, 576 p.
4. Karasev, L.V. (2001), *The substance of literature [Veshchestvo literatury]*, Yaz. slav. kul'tury, Moscow, 399 p.